

The background of the cover is a photograph of a woman with dark hair, blue eyes, and red lipstick, wearing black gloves and a dark dress, leaning over a piano keyboard. The author's name is at the top, the title is in the middle, and the subtitle is at the bottom.

Мэри Мур

Графиня

**СБЕЖАВШАЯ
ГРАФИНЯ**

Неправильные женщины

Мэри Мур

Серафима - сбежавшая графиня

«Автор»

2025

Мур М.

Серафима - сбежавшая графиня / М. Мур — «Автор»,
2025 — (Неправильные женщины)

Серафима родилась графиней, с детства была уготована мирная, спокойная жизнь в достатке и почтении, но в один день все изменилось. Старый мир рухнул, разрушив в одно мгновение все опоры под ногами девушки. Серафима училась жить по новому в новом мире. Книга, о невероятных возможностях человека. Веры в себя, в людей, в свои таланты.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мэри Мур

Серафима - сбежавшая графиня

Глава 1

Сколько себя помнила, всегда хотела играть и выступать, но это было невозможно. Урожденной графской дочке, нельзя мечтать о сцене. У нас слишком много обязанностей, выйти замуж, родить множество наследников, быть идеалом для низших по статусу и положению, помогать нуждающимся, заниматься благотворительностью. Но я хотела играть, это занятие занимало все мое свободное время. Я играла и представляла себя на сцене... Тогда еще не знала, что всем моим мечтам суждено сбыться, только вот цена окажется высокой.

Телега, громыхая, катилась по замерзшей проселочной дороге, девушка сидевшая на ней смотрела немигающим взглядом вдаль где почти догорал отчий дом. Родительская усадьба с которой была связана вся ее прошлая жизнь, жизнь где она была маленькой, любимой папиной дочкой сейчас была уничтожена огнем. Серафиму ждала новая жизнь. Слезы бесшумно катились по ее лицу, сил плакать громче уже не было, все случилось настолько быстро, что Серафима, не успела опомниться.

Утром того же дня.

Серафима проснулась от ужасного грохота, доносящегося снизу. Потянувшись дернула за шнурок, села в кровати и стала ждать служанку, но та все не шла, а грохот внизу продолжал доноситься. Не выдержав Серафима встала и найдя домашние туфельки, надела их, самой же впервые пришлось одевать и домашние платье. Девушка вышла в коридор, прошла к лестнице, спрятавшись за гардину, в доме где обычно было тихо и спокойно, папенька любил тишину, что-то произошло. Ей был виден главный вход, дверь которого то и дело открывалась, а из их дома странные люди выносили мебель, статуи, картины.

– Что произошло? – мысль которая, громыхала в голове девушки. Несколько недель назад, папенька сослал единственную дочь в имение, намекая, что в Петрограде сейчас неспокойно, – Неужели – это неспокойно добралось и до этого тихого места? А где тогда папенька? И как ей быть? И не одного знакомого лица, только странные люди, которые грабят их усадьбу. Если бы маменька дожила, до этого дня, получила бы еще один удар, но она не дожила.

– Посмотри, что там есть наверху, – вдруг услышала она распоряжение одного из странных людей и мужчина в огромных сапогах, заляпанных грязью начал подниматься по ступеням оставляя следы на белоснежных ступенях. В носу у девушки защекало и в тот момент, когда мужчина проходил мимо гардины, она тихо чихнула. Гардина резко открылась и Серафима увидела перед собой, светловолосого, улыбающегося юношу.

– Ты кто? – спросил он, с интересом рассматривая свою находку.

– Серафима, – ответила девушка, растерянным голосом. – А что происходит и где папенька?

– Революция происходит. Теперь это все, – обвел он рукой усадьбу. – Народное. А папенька у нас кто?

– Граф, Самсонов Андрей Петрович. – осторожно произнесла девушка.

– Буржуй значит. – сказал он. – Посадили скорее всего или сослали, а может, сбежал. – предположил юноша.

– Как сбежал? Папенька не мог без меня, я его единственная дочь. – капризно произнесла Серафима.

– Ну тогда не знаю.

– Что ты там застрял? – прокричали ему снизу. – Есть что-нибудь интересное?

– Нет, все вынесли до нас. – крикнул он и подмигнул девушки. – Сиди тут и не высовывай носу, как все стихнет, бери что осталось из ценного и беги.

– Куда?

– Куда хочешь! Куда можешь, не мое дело и так одолжение делаю, меня наверное не помнишь, а вот так спасибо говорю, что в прошлом году, на ярмарке, когда за мной городовые бежали, ты в другую сторону отправила.

– Спасибо. – проговорила Серафима, несколько раз моргнула, но вспомнить юношу все равно не смогла, может это была и не она, разве это имеет сейчас значение.

Гардина закрылась, и тяжелые сапоги спустились с лестницы.

– Там ни че ценного, барахло да мебель, а она тяжелая. – отчитался юноша внизу.

– Ладно, поехали отсюда, тут недалеко еще несколько усадеб есть.

Двери еще несколько раз хлопнули, на улице послышалось ржание лошадей и звук удаляющегося топота. Несколько минут было тихо, тихо, пока внизу не скрипнула еле слышно дверь.

– Есть кто-нибудь живой? – послышался знакомый голос, Силантия дворецкого, служившего в их семье много лет.

– Силантий, – прокричала Серафима и расплакалась в голос. Через несколько секунд гардина отворилась и с пола ее поднял, старый дворецкий.

– Ну деточка, не плачь, хорошо, что все так закончилось и не насильничали, и в живых остались, а барахло у вас его много. – сказал, махнув рукой. – Ну же не плачь, Андрей Петрович, гонца утром с письмом прислал, что к вечеру будет, что бы собирались вы. Уезжать будем за границу, а там тихо спокойно. Хорошо, хоть усадебка стоит далече от дороги, в других вовсе двери не закрываются. – быстро проговорил дворецкий.

– Папенька уже едет? – с надеждой в голосе проговорила Серафима и улыбнулась дворецкому и вытирая остатки слез, что моментально высохли на ее глазах.

– Да, дитя вставайте, вставайте не хорошо барышне на холодном полу сидеть, идите к себе сейчас пришлю, вам служанку.

Дверь внизу хлопнула, пошатываясь еле переступая ноги в порванном платье и с чепцом в руках, вошла Марфуша личная служанка.

– Марфа, что с тобой случилось. – сбежав быстро по ступеням спросила Серафима.

– Негоже вам такое барышня знать, – проговорила служанка вытирая кровь с губы.

– Иди, прибери себя. – проговорил подоспевший дворецкий. И торопливо выпроводил Марфу в людскую сторону.

– Страшно как! – сказала Серафима, поеживаясь от холода, и только сейчас увидев, что одно из окон на первом этаже было разбито.

– Барышня идите наверх к себе и соберите, все самое необходимое, я не знаю, кто из слуг остался и смогу ли вам помочь, нужно к приезду Андрея Петровича внизу все прибрать.

Серафима мелком огляделась по сторонам и затоптанные полы вместе с оторванными гардинами было не самое страшное, по первому этажу словно прошел ураган, оторвав обои от стен и порезав гобелены, – Зачем? – подумала она. – А еще ей не давало покоя – это странное слово революция, которое все чаще слышала и из разговоров папеньки и от прислуги, но вот за все это время почему-то так и не узнала его смысл.

– Что такое революция? – вдруг повернувшись спросила девушка у дворецкого.

– Как вам барышня сказать, – пожал плечами старик.

– Как понимаете.

– Понимаю, что не правильная, у меня был дом в котором служил много лет верой и правдой, знал, что когда заболею, будут лечить, кормить и ухаживать, знал, что будет кров над головой и теплая постель, да всю жизнь работал, но нравится моя работа. А сейчас, я стар и если вы уедите, не знаю куда идти, делать то все равно толком ничего не умею. А молодым, что

сейчас воруют, экспроприируют, так это называется, режут гобелены и рвут обои, они этого не ценят, называют – это излишки, которые нужно забрать, но не заработали. Так считаю, что можешь забрать только то, что заработал, а если это не твое, то и не трогай.

– Революция это когда, одни люди забирают, что-то ценное у других?

– Это когда бедные воруют у богатых, как вы и считаете это своим. А еще говорят царя пленили, ироды. – ругнулся он, но тихо, тихо, чтобы неслышно было.

– Царь отрекся от престола? – переспросила его Серафима.

– Так, говорят, а как на самом деле кто знает, но вы барышня идите собирайтесь, если что прячьтесь как следует, в такую пору не стыдно и под кровать забраться ежели что. – тихо проговорил дворецкий. – Главное, что бы целы были, да не насильничали, а там как-нибудь и жизнь глядишь наладиться. У царя вон сколько дочерей было, может кто из них править будет. – закончил дворецкий и пошел в сторону людских.

Серафима, прошла в бальный зал, половина картин не было, вторая половина стояли на полу, видимо выбирали, ценные, несколько разбитых зеркал, забрали мамины любимые китайские вазы с синим узором с камина. Серафима глубоко вздохнула. – Может им они нужнее. – сказала вслух и поднялась к себе в комнату.

Собраться быстро, не получилось, не понимала, что важно, а что нет. Как не важно взять новое платье мадам Софи, или вон те новые туфельки к платью, а еще шляпку, как можно это все оставить или выбрать что-то одно.

Спустя час, когда я совсем закопалась в этих платьях и кружевах, но так и не решила, что для себя важнее. За окном послышался стук копыт и голоса. Подбежав к окну, увидела папеньку верхом. Его костюм был весь испачкан в грязи, не только костюм, но и лицо. Папенька вбежал по ступеням и скрылся за дверьми главного входа. Еще минуту и в комнату постучались, Серафима бросилась к двери, открыла и увидела уставшее лицо отца.

– Папенька. – только и сказала Серафима, бросившись ему в руки, слезы брызнули из глаз и все напряжение вместе с ними спало.

– Серафима, нам нужно торопиться. Одевай дорожное платье. – сказал, отец немного отстранив от себя.

– Но как папенька, я не могу сама. – возразила она.

– Серафима, не время капризничать, у нас осталось очень мало времени. Нужно успеть на поезд.

– Хорошо, папенька. – сказала Серафима и отец вышел из комнаты.

Внизу вновь послышался стук копыт, ржание лошадей и людской гогот. Серафима не подошла к окну, страх вновь ее парализовал, в дверь забежала служанка Марфа и закрыла за собой дверь. Серафима, на секунду смутилась от такой наглости.

– Не время барышня, папенька ваш приказал. – сказала Марфа и показала форменное серое платье.

– Я это не одену! Где папенька? – возмутилась Серафима.

– Барышня, вы можете не одевать, но это сейчас единственный вариант спасти вашу жизнь, солдаты схватили Андрей Петровича и он сказал, что кроме него в доме есть только слуги.

– Так нужно позвать соседей, слуг они помогут.

– Серафима Андреевна, мало, что понимаю, но кажется, сейчас вам кроме меня помочь некому. Надевайте платье побыстрее. – сказала Марфа и начала помогать переодеваться. Спустя несколько минут девушки вышли из комнаты. Внизу было пусто, девушки прошли на черную лестницу и спустились в кухню, там была разруха и хаос.

– И что теперь? – спросила Серафима.

– Не знаю, там припрятала немного еды, когда повариха сбежала, но на долго этого не хватит. – ответила Марфа.

– Да нет, что со мной и папенькой будет?

– Андрея Петровича, связали да увезли, куда-то. – спокойно сказала Марфа. А у Серафимы вновь потекли слезы из глаз.

Дверь у главного входа вновь хлопнула. Марфа скривилась и проговорила. – Кого это еще нелегкая принесла, интересно? Сиди тут и не выходи, а лучше приберись тут. В общем делом займись, если хочешь жить не барыня, теперь. А обычная девица.

Серафима не ответила, ее, конечно, смутила быстрая смена в настроениях Марфы и тон с которым та приказывала, но девушка не знала что делать дальше, ее готовили не для этого.

– Андрей Федорович, – услышала Серафима лилейны голос Марфы за дверью. И выбежала из кухни.

– Андрей Федорович, миленький мой. – с криком бросилась Серафима к управляющему своего отца. – Андрей Федорович, помогите мне, пожалуйста.

– Серафима Андреевна, как вы тут? Я же думал, что вас папенька забрал, и вы уехали.

– Нет Андрюшенька, нам оставили в наследство вместе с домом еще и эту приживалку. – проговорила Марфа, со злостью подходя ближе к Андрею Федоровичу и беря его под руку.

Серафима не поверила своим глазам. Папенька всегда говорил, что Андрей Федорович, надежный человек и на него всегда можно положиться.

– А как так произошло, что ее тут оставили? – со злостью сказал управляющий.

– Барин сказал, что в доме кроме слуг больше никого не было.

– А ты не могла ее сдать, что нам теперь с ней делать? – резко проговорил Андрей Федорович выругавшись.

– Ну полы то нужно кому, то будет скрести? – с усмешкой сказала Марфа.

Управляющий резко отшвырнул Марфу от себя и проговорил, – А ты тут тогда на что?

Глаза у Марфы сверкнули от злости. Управляющий подошел ближе, взял Серафиму за подбородок и сказал, вообще-то наша юная барышня хороший товар по сегодняшним временам, ее можно будет хорошо продать в бордель, а может кто из новой власти себе постельную грелку захочет приобрести.

Глава 2

Серафима от услышанного, попятилась назад, но вскоре ее спина коснулась стены и девушка замерла. А в голове вдруг словно в тумане луч солнца проявился тот престранный разговор с папенькой. Тот словно предчувствуя что-то такое, перед отъездом из Петрограда преподнес ей, дорожное платье, из дешевой шерсти и сшитое при отвратительно и большие башмаки на грубой подошве.

– Папенька, как такое можно носить? – возмущенно, спросила у отца.

– Серафима, буду рад если тебе никогда не потребуется надеть, но если случится, так что меня не станет ты должна будешь надеть именно его, тут в поясе вшиты камни, а в каблуках лежат золотые червонцы, – Андрей Петрович отодвинул механизм, и Серафима увидела стопку из пять монет.

– Хорошо папенька, – на выдохе проговорила она. – Но я все равно не понимаю, что такого может случиться, да и этих денег ни на одно приличное платье не хватит.

– Серафима, прошу господа каждый день, о том чтобы в твоей голове не было больше мыслей как о новом платье, но если что-то случится...

– Хорошо, хорошо папенька надеть платье и башмаки. Поняла, все сделаю.

Сейчас когда Серафима стояла прижавшись к стене, и слушая, как папин управляющий рассуждает кому бы ее продать, тот папин подарок не кажется уже таким обидным, – Но почему он тогда не вывез ее за границу, если понимал, что такое может случиться? – подумала она.

– Оденься во что-нибудь дорожное, – услышала Серафима, но не сразу поняла, что Андрей Федорович обращается именно к ней. – Эй, что замерла? – крикнул Серафиме управляющий.

– Я могу идти? – спросила Серафима, осторожно, понимая, что с ним лучше не спорить.

– Да. – коротко ответил он.

– А мне можно, какое-нибудь платье себе взять. – спросила его Марфа, поглаживая по плечу.

– Нет, собери их все и почисти, товарный вид, чтобы у них был, они целое состояние стоят.

– Вот еще, теперь свободная, не тебе мне указывать. – фыркнула Марфа и хотела пойти проч, но управляющий схватил за волосы и резко дернул к себе.

– Ты меня слышала, приведи платья в порядок. Живо. – рывкнул он в конце, Серафима вздрогнула. – А пока наша барышня одевается, приготовь мне поесть, что-нибудь. – добавил спокойным тоном и толкнул Марфу в сторону людской.

– Давай и ты быстро наверх. – хлопая несколько раз в ладоши, около Серафимы проговорил Андрей Федорович. Девушка словно очнулась, от этих хлопков и побежала наверх.

В комнате, платья были разложены по всем поверхностям, Серафима одним взглядом осмотрела, как же была глупа, когда не могла выбрать, что для нее более важно, если бы была более расторопна, то наверняка, они с папенькой уже садились в поезд и не пришлось бы... Мысли в голове путались. Серафима вздохнула, – Папенька всегда, говорил, что я умная. Со всем справлюсь. – сказала она себе. И открыв шкаф, достала невзрачную сумку с двумя шнурами, что завязывались сверху и имели ручки из грубой ткани. Развязала и осмотрев невзрачный наряд, проговорила. – Так надо Серафима, ты же хочешь жить? Нужно просто выбраться отсюда, просто найти папеньку и там уже, а воспитание и манеры их за платьем не скроешь.

Девушка сменила белье, не известно когда в следующий раз это удастся сделать. Надела платье, чулки и башмаки, в шкапулке было несколько недорогих колечек, цепочка, пара брошек и заколок, все это было не дорогое по меркам состояние ее отца, и позволялось носить

каждый день. Мамины украшения были в сейфе у папеньки, но скорее всего их уже там нет. Собрав часть, в небольшой мешочек, спрятала во внутренний потайной карман на платье. Затем собрала несколько комплектов белья, снятое с себя форменное серое платье, с грустью посмотрела на кружевные платья и туалетный набор из малахита, что подарила маменька на последний день рождения, который была с ними.

– Стоит попробовать, – сказала Серафима и завернув набор в полотенце сложила в сумку. Завязав. Дверь шумно отворилась и Серафима внутри порадовалась, что собралась быстро и уже была готова.

– Ну прям от служанки не отличишь, – сказал вошедший без стука Андрей Федорович, сначала Серафима, хотела возмутиться... но промолчала, тихонько потупив глаза, папенька часто говорил, – Что если другие думают, что им подчинился, то появляется больше свободы для неожиданного маневра. В сложных ситуациях. – это говорил, рассказывая про сражение, на солдатиках, что стояли в кабинете на большой карте, но если срabатывает на поле брани, почему не срabотает и сейчас. Силантий сам час назад, сказал, – Что в такое время не стыдно и под кровать спрятаться. – Что набрала? – спросил управляющий не дождавшись никакой реакции от Серафимы.

– Смена белья, несколько пар чулков, серое форменное платье и туалетный набор. Все.

– Все? – переспросил он.

– Набор серебряный, помнится у вас был такой.

– Нет малахитовый, серебряный остался в Петрограде. – ответила Серафима.

– А драгоценности?

– Они у папеньки в сейфе, мои в шкатулке так и лежат, но если вы позволите взять их и шкатулку. Там брошка, заколка и кольцо. В общем ничего особо ценного как память.

Управляющий, обошел ее и заглянул в шкатулку, – Не баловал вас папенька что-то.

– Основные драгоценности были в Петрограде, здесь не перед кем показывать. – равнодушно сказала Серафима.

– А вы меня барышня совсем не боитесь? – спросил управляющий вертя в руках колечко.

– Вы же сами сказали, что хотите меня продать, а если это так, то будете следить за тем чтобы внешний облик не пострадал, кому нужна тощая и забитая девица. – ответила Серафима спокойно и удивилась своему спокойствию. Словно что-то окутало ее облаком безмятежности и уверенности.

– Да-а. – протянул задумчиво. – Есть хочешь?

– Да, – коротко ответила Серафима, хотя есть не хотела, но сейчас отказываться было глупо, не зная, когда в следующий раз предвидится такая возможность.

– Тогда иди на кухню. Сейчас скажу Марфе, что бы накормила.

Серафима, послушно кивнула и накинув на плечи неказистый мышинного цвета пуховый платок вышла вслед за управляющим. Спускаясь съежилась от холода, пурга, что разыгралась за окном, прорывалась сквозь разбитые окна, образуя на ковре мокрые пятна от снега.

– Разрешите, попробую закрыть чемнибудь окна, в доме совсем холодно. – осторожно спросила Серафима.

– И чем закроешь? – с ухмылкой спросил управляющий.

– Наверху много одеял можно проложить между ставнями. – ответила Серафима, хотя сама до конца не понимала, как она это будет делать одна и без помощи.

– Ну попробуй, – сказал управляющий и отправился на людскую сторону.

Как только дверь за управляющим закрылась, Серафима, подошла к окну и хотела его осмотреть, чтобы понять, чем можно закрыть, услышала еле слышный стон, доносившийся из бальной залы. Девушка вошла, но там было пусто и только приоткрытая тайная дверь в кабинет, показывала, что в помещении кто-то находился. Серафима, потихоньку, стараясь не шуметь открыла дверь и увидела лежащего Силантия.

– Силантий, миленький, как же так? – бросилась к лежащему на полу старому слуге и помогла сесть.

– Серафима, милая барышня, вы живы! – воскликнул он и слеза скатилась по щеке. – Андрея Петровича увезли, ничего не смог сделать. Только вот. И он протянул обернутый в тряпку небольшой сверток. – Тут документы на выезд, и еще кое-что, документы и на меня, Андрей Петрович, – задыхаясь проговорил он. – Не собирался меня оставлять одного, но как же мы теперь?

– Все хорошо, пока оставьте у себя, Андрей Федорович хочет меня продать, но нам нужно выбираться, теперь мы сами себе хозяева. – проговорила Серафима скороговоркой.

– Вот же проклятуций человек, ему сейчас покажу, шельма. – выругался старый дворецкий и хотел было встать.

– Силантий, он сильнее, не нужно, нам нужно выбираться, постарайся найти лошадь и телегу, ну или что-то на чем можно будет ехать. Наши конюшни наверное уже разграбили. Постарайся не выдать себя, пока управляющий не знает, что ты тут, нам будет проще.

– Как скажите, барышня. Быстро вы повзрослели, – с грустью в голосе сказал Силантий.

– Вставайте. Вы можете идти?

– Да, у меня теперь силы появились, думал, что все. – Будь осторожна, – проговорил старик, перекрестив Серафиму.

– Хорошо, спасибо, но когда лошадь найдется, подай знак, сам к дому не подъезжай, жди меня в лесу, на полянке, где папенька всегда устраивал пикники, а к дальней ограде привяжи какуюнибудь заметную тряпицу.

– Все понял, сделаю, еще что-то?

– Тебе, наверное, могут потребоваться деньги?

– Андрей Петрович, дал, кошель с золотыми. – торопливо проговорил старик.

– Все деньги не показывай, пару отложи, остальное спрячь. И еще поесть нужно, что-то постараться найти, кто знает, а тут деревня все знакомо, может кто и продаст.

– Барышня... Серафима... вы где? – услышал доносящийся голос управляющего, вышла из кабинета и закрыла за собой дверь.

– Господи спасибо, что сохранил жизнь Силантию. – сказала еле слышно и перекрестилась, выйдя в тот самый момент когда управляющий уже поднялся на половину лестницы.

– Да, Андрей Петрович, – сказала Серафима, вежливо и улыбнулась. Тот повернулся и прищурился, глаза начал медленно спускаться, пытаясь рассмотреть, что изменилось в лице девушки за те несколько минут пока провела в холле. Управляющий не мог понять, что именно изменилось, но лицо девушки, словно светилось изнутри.

– На вас, так благотворно повлияла работа? – спросил он осторожно.

– Скорее, свежий воздух. – ответила Серафима.

– Придумали, что сделать с окнами?

– Да, можно попробовать оклеить бумагой, она есть наверху. Только нужен клейстер.

– Я скажу Марфе, она сделает, идите обедать, – сказал управляющий более настойчиво.

– А можно мне самой заклеить? – спросила Серафима.

– У вас такие нежные руки, не стоит их портить работой. – нежным, лилейным голосом проговорил управляющий, – На рассвете, мы поедем в Петроград и вам уже будет все равно, дует тут из окон или нет.

– Хозяин всегда думает о своей собственности, даже если его в ней нет. – тихо, так чтобы услышал лишь управляющий, сказала Серафима.

– Но это уже больше не ваша собственность. – съязвил управляющий. – Это теперь народное добро. Вот так было ваше, стало общее. – сказал и поднял руки вверх, покрутившись вокруг своей оси.

– Надолго ли? – подумала Серафима, но только грустная улыбка слегка появилась на ее лице.

Глава 3

Серафима медленно размешивала ложкой вязкую, невзрачную кашу, такой мерзкой еды она не только ни разу не пробовала, но и не видела. Она иногда бывало обедала со слугами, особенно в детстве, из интереса, и да там была немного другая еда, но все же она была вкусная и внешне выглядела привлекательно, не как это серое месиво.

– Что не нравится? – резко отложив ложку и встав, спросила Марфа.

– Как то не очень выглядит. – осторожно ответила Серафима.

– Подожди, это ты просто ещё раз в жизни не голодала и не знаешь, что такое когда желудок к спине прилипает и его сводит так, что готова землю есть лишь бы не сдохнуть. – злобно сказала Марфа, наблюдая за тем как меняется лицо Серафимы.

– Но у нас в доме ты не могла так голодать, папенька всегда заботился о работниках, и лекарей вызывал если болели, и питание, и одежда, всего было в достатке. – ответила Серафима.

– Ага и работы с утра до поздней ночи, тоже было в достатке. – выплюнула на нее Марфа.

– Марфа, но я же в этом не виновата, как и не виновата в том что родилась в богатой семье. – ответила девушка растерянно.

– Что за балаган вы тут устроили? – спросил вошедший управляющий. Девушки переглянулись между собой, но не ответили, – Вот так-то лучше, поели и Серафима в комнату, а Марфа окна заклеивать, а то дует со всех щелей. И ставни нужно на окна поставить.

– Я ставни ставить? – спросила возмущенно при вставая Марфа.

– Ты, а кто их еще ставить будет, скоро темнеть начнет и нас на несколько верст станет видно. Только проезжих нам не хватает, ни белых ни красных, один черт грабят одинаково.

– Белые и красные? – спросила осторожно Серафима.

– Да, белые ваши, красные наши, Тут недалеко армия стоит, но красные то и дело их отодвигают. – ответил управляющий раздраженно.

– А почему вы не воюете, за тех или других? – спросила Серафима.

– Жду, пока они не поубивают друг друга, там когда станет понятно, кто из них победит с теми и будем дружить. – резко ответил он. – Но тебя попробуем продать красным, это у них рядом с собой иметь такую мадам престижно сейчас. А у белых и без тебя много обнищавших девиц из высшего общества.

– Сколько вы надеетесь за меня выручить? – осторожно спросила Серафима.

– У тебя есть деньги? – спросил управляющий.

– Нет у меня нет, но есть сестра отца в Германии, может вам, стоит связаться с ней, думаю она не откажется. – скороговоркой сказала Серафима, как она могла забыть про тетюшку Эльзу.

– Вы не будете брать грех на душу, вам только нужно будет меня переправить в Германию. – с надеждой в голосе проговорила Серафима.

– Ну уж нет, вот еще заниматься, – ответил он.

– Напишите тетюшке по телеграфу, я у нее единственная племянница и вы видели тетюшку, в прошлом году она у нас гостила целое лето.

– Это та, что просыпалась к обеду и пила кофий не вставая с кровати? – спросил управляющий.

– Да именно.

– Только где я тебе сейчас найду телеграф? Сказал мы почти в прифронтовой зоне и тут не только телеграфа нет, тут теперь жить опасно того и гляди либо убьют, либо в солдаты запишут неизвестно, что страшнее.

Серафима лишь вздохнула и продолжила мешать ложкой непонятную серую массу, но аппетит так и не появился. – Нет, есть это пока точно не хочу, а дальше ни кто не знает. – подумала она, и встала. – Можно, пойти к себе.

– Да иди. – ответил управляющий.

Серафима плотнее завернулась в шаль и вышла в холл, где задувал ветер вперемешку со снежинками образуя на коврах небольшие снежные кучи.

Девушка поднялась наверх и первым делом посмотрела, появился ли указатель на задней ограде, но не обнаружив вошла в свою комнату. Горы платьев по-прежнему возвышались на кровати, как незримое напоминание жизни, что выбросила ее на обочину, но продолжала манить. Мысли Серафимы путались в голове, страшила неизвестность о том что случилось с папенькой, получится ли у Силантия раздобыть телегу и удастся ли выбраться, если удастся то как потом их найдет папенька и как они потом будут жить и главное на что? Девушка, чтобы унять волнение и хоть как то скоротать время начала, складывать платье, лучше она это делает сама. А то Марфа со злости может что-то и порвать, коль ей не досталось. Так не заметив, она разобрала все, а внизу часы пробили пять, выглянула в окно, где почти стемнело, а тряпица так и не появилась, скоро даже если Силантий оставит указатель его не будет видно. – Может додумается свечей посвятить. – подумала она. Как во дворе послышался стук копыт. С десяток военных приближались к дому. – Этого только не хватало! – воскликнула Серафима и перекрестилась. – А может, это те что за царя, тогда они знают папеньку и помогут ей, Андрей Федорович, говорил, что тут недалеко бои идут. – подумала вдруг Серафима и начала приглядываться в темноту. Она особо не приглядывалась к форме, что носили царские солдаты, а единственного красного война видела сегодня в первый раз, но он выглядел как оборванец. – Как понять, на чьей они стороне? Вот бы Силантий был рядом, он всяко смог бы определить, кто приехал.

Дверь с шумом отворилась, звучно стукнувшись ручкой о стену и в комнату влетела Марфа. – Быстро прячься, солдатики прикатили, не знамо, что им надо, Андрей Федорович, приказал тебя спрятать, мало ли что. – и практически силком засунула в маленькую комнатку, папенька начал проводить в доме водопровод и эта комната должна была быть ванной пока же была пустой и темной.

– А чьи солдатики? – тихо спросила Серафима, когда они притаились в дальнем углу, за выступом в стене, так что даже если бы кто зашел их невозможно было увидеть.

– Не все ли равно. – сказала Марфа.

– Ну если это белые, можно попросить у них помощи они наверняка знают папеньку. – ответила Серафима.

– Дура ты наивная, сейчас каждый сам за себя, еще этого не поняла, век ваших галантных расшаркиваний, мадам, месье извините, простите, кончился... – скорчив лицо и со злой иронией в голосе проговорила служанка.

– Да, но ты, наверное, путаешь, есть добрые человеческие отношения и они будут всегда, – возразила Серафима.

– Дура, они будут ровно до тех пор, пока у вас есть деньги и хоть какое-то положение в обществе, а сейчас у вас барышня ничего нет.

– Марфа, выходите. – услышали голос управляющего зашедшего в комнату.

Служанка выскочила первая. – Ну как?

– Беляки были, спросили кто есть и дорогу, заплутали немного. Драпают они в общем, красные их нагоняют, еще на денек задержимся и все, красные к нами сами придут, по утру поедем. – ответил управляющий.

– Серафима, ложитесь отдыхать дорога будет длинная и сложная. Не известно какими путями доедем. А ты Марфа, вынеси платья, видишь графиня даже тебе все сложила, нужно обоз собирать.

– Хорошо, – ответила Серафима.

Марфа, только фыркнула, но так ничего и не сказала, собрала собранное Серафимой и вынесла.

Спустя несколько минут в комнате стало тихо. Только торопливые шаги Марфы, то и дело доносились из коридора. Девушка смотрела в окно, и думала. – Даже если сейчас Силантий подал знак и ждет там один в лесу, она не увидит. Все небо заволокло тучами, и ветер продолжал бушевать. Серафима, долго всматривалась в даль, пытаясь увидеть хоть что-то, но безрезультатно. Она уже почти отчаялась и хотела пойти лечь, но вдалеке, между деревьями, что-то мелькнуло похожее на огонь. Подумав, что померещилось, но нет огонь еще раз мелькнул теперь обрисовав круг. Серафима обрадовалась надеясь, что это Силантий, с дрожащими от волнения руками, девушка нашла небольшой огарок свечи и чиркнув несколько раз спичкой зажгла его и подняла свечу. Там вдалеке ей ответили еще одним кругом. Оставалось дело за малым, нужно выбраться из дома.

Девушка, надела шаль на голову, вынула из дальнего шкафа свою старенькую шубку, вывернув ее неприглядным мехом наружу, а соболь спрятала внутрь. Взяла рюкзак и перекрестилась, выходить решила из задней двери. Прислушавшись, открыла дверь, внизу раздавались голоса управляющего и Марфы, они о чем то спорили. Сердце девушки бешено колотилось, когда подошла к портюере за которой пряталась утром.

– Дура ты. – отчетливо услышала возглас Андрея Петровича и остановилась. Дверь внизу хлопнула, и послышались шаги. – Все приходится делать самому, все самому. – услышала громкие причитания.

– Нужно их как то отвлечь, а как? – подумала девушка, вернувшись в комнату, увидела свечу, от которой осталось совсем чуть-чуть, чтобы потухнуть. И тут мысль словно пронзила ее. Если сейчас, где-нибудь и что-нибудь загорится, то они будут тушить и возможно не сразу увидят, что пропала. А что бы сказал папенька? Папенька бы точно не одобрил, но папеньки тут нет, но возможно успею сбежать. Должна успеть, но что поджечь? Серафима взяла свечу и пошла в родительскую комнату, поставив огарок под гардину, потихоньку ткань начала разгораться, а девушка, спряталась за гардиной у людской лестницы. Прошло несколько минут и вот дым начал выходить из комнаты, но ни управляющего, ни Марфы не было.

– Больше оставаться нельзя. – сказала и спустилась по людской лестнице, внизу было пусто, прошла через кухню и и вновь пусто и только потянулась за ручку, как дверь распахнулась, и девушка увидела розовошекую Марфу.

– А ты что тут делаешь? – рыкнула на нее.

– Там, дым по всему второму этажу, я испугалась. – сказала Серафима, и оттолкнув Марфу вышла на крыльцо.

– Как дым, где дым. Гориммммм. – и с криком забежала в дом. А Серафима, что было мочи бросилась в другую сторону, в детстве она часто бегала, от дома до полянки папенька ругался, но все равно бегала, дорога была хорошо знакома. Вот и сейчас бежала, не оборачиваясь, толи из-за страха, что за ней гонятся, то ли боялась увидеть полыхающий дом. И только добежав до кромки леса, остановилась у вековой ели, обняла и увидела, как занялась вся папенькина половина пять окон еще немного и огонь перебросится на маменькину половину, подумала девушка и слезы потекли по лицу.

– Сбежала, сбежала барышня. – вдруг услышала, и повернувшись увидела идущего к ней Силантия. – Боженки мои, это как же теперь, дом совсем сгорит. – проговорил он.

– Где телега, – словно очнувшись спросила Серафима.

– Пошли милая, недалече тут. Пошли, мы там больше не помощники. – старик усадил на подстилку из соломы, небольшая корзинка и мешок, все что было в телеге, и покатила она громыхая по замерзшей проселочной дороге, девушка сидевшая на ней смотрела немигающим взглядом вдаль где почти занялся огнем весь второй этаж отчего дома. Родительская усадьба, с

ней была связана вся прошлая жизнь, жизнь в которой она была маленькой, любимой папиной дочкой сейчас горела ярким пламенем. Телега везла Серафиму в новую жизнь, она не знала, что ждет впереди.

Глава 4

Ночь подходила к концу, вдалеке на горизонте поднималось холодное зимнее солнце.

– Серафима Андреевна, тут недалеко постоялый двор был, нам бы чего горячего попить, поесть, да согреться вам тоже не мешало бы. – сказал Силантий повернувшись к замершей девушке.

– А ты думаешь, это безопасно? – спросила Серафима.

– Да не известно, что сейчас безопасно, но столько на морозе ехать, точно не безопасно. – только и сказал старик.

– Хорошо, только ты Силантий по имени отчеству пока не называй мало ли кто может нас услышать.

– Да, кому мы тут нужны, старик да девица. – ответил Силантий, поддал лошади и та ускорила свой шаг.

За поворотом показался постоялый двор, услышав скрип телеги, сонный мальчишка вышел из сарая, который служил и конюшней.

– Накорми, овсом мою старушку и напои вдоволь. – сказал Силантий, подавая вожжи мальчишке.

– Овес нынче дорого стоит, старик. Платить как будешь? – спросил лукаво мальчишка.

– Деньгами буду, деньгами. – ответил Силантий и протянул ему монету. – Достаточно.

– Да, я еще ее тогда и оботру, сдачи все равно нет. – ответил радостно парень.

– Вот и оботри. А поесть есть, что?

– Да, тетка уже встала. – ответил мальчишка, уводя лошадь с телегой в глубину двора.

– Серафима А.... – остановился на полуслове старик, под серьезным взглядом Серафимы. – Пойдем внучка внутрь, так наверное правильно будет называть.

Путники поднялись и вошли в избу, небольшое помещение с невысокими потолками, разделенный большой печкой посередине, пять столов с лавками, вот и все убранство дома. В комнате странники были единственными постояльцами, только из дальнего угла доносился шорох.

– Садитесь где удобно, скоро выйду к вам, только пока особо ничего нет. – услышали они голос. – Пироги вчерашние, яйца, могу предложить.

– Нам подходит хозяйка и еще что-нибудь горячего испить на травах. – ответил ей Силантий.

– Яйца на сале зажарю? – раздался голос.

– Да, на двоих. – ответил ей старик и странники прошли и сели за ближайший к печи стол. Серафима села и прислонилась спиной, горячее тепло начало разносится по всему телу. Никогда до сегодняшнего дня, не ездила на открытых санях, где ветер пробирается под кожу со всех сторон. За те долгие часы пути, мои руки и ноги окончательно заledenели. Даже несмотря на то, что Силантий, вместо ботинок надел на меня валенки и закутал в еще один тулуп.

– Согрелась? – спросил Силантий, когда открыла глаза, переборов желание уснуть сидя.

– Да. Куда мы едем?

– В Петроград. Больше и дорог не знаю, – ответил Силантий. – А куда нам еще ехать?

– Ну может, стоит поехать к белым? – тихо спросила Серафима.

– И что, мы там делать будем? Барина та красные забрали, а там может, что Петруха еще из добра припрятал или барин какие-то распоряжения оставил на крайний случай.

– Думаешь? – с надеждой спросила девушка, об этом как то не подумала.

– Не учили меня Серафима думать то. Учили выполнять, что другие придумали. Вот ежели бы вы вчера дом то не подожгли сами, вот прям и не знал, как вас оттуда вызволять. Так и думал, что на улице одному заночевать придется.

– Ну Силантий вчера уже прошло, нам сегодня нужно выжить.

– Что правда, то правда, а лихо проскочили, мужики судачили, что лес на пополам поделен между красными и белыми, а мы напрямик проехали и никто нас не заприметил. Больше всего за этот лес переживал. – с воодушевлением сказал старик.

– Как думаешь, поезда ходят еще?

– Это ж поезда, почему они не должны ходить? – спросил Силантий.

– Нам бы в Германию, к тетушке попасть, хорошо было бы.

– А эта та, тощая которая как селедка? – спросил осторожно Силантий.

– Силантий, какая тетя Эльза селедка! – возмущенно спросила Серафима.

– Ну, а кто она, ежели не следка. – возмутился он. – Но на безрыбье и рак рыбой отзовется. – сказал задумчиво старик. – Тетя Эльза это конечно хорошо, вот сдать бы тебя ей на руки глядишь и мне там местечко найдется, у них же там поди нет революций?

– Вроде нет. – ответила девушка, а тем временем к столу подошла женщина средних лет, в простом льняном платье и переднике, поставила на стол сковороду с шипящей на ней яичницей, тарелку с нарезанным пирогом и пару деревянных ложек.

– Кушайте на здоровье. Сейчас попить еще принесу и приготовьте сразу рассчитаться, чтобы за вами не следила. – сказала тетушка и ушла.

Силантий, подвинул ближе мне сковороду и сказал. – Серафима, тарелок не будет, нужно есть так. – а сам достал из кошелька пару мелких монет и положил на край стола.

– Хорошо, это здесь столько стоит еда? – удивленно спросила у Силантия.

– Мы ж с вами не в ресторации кофий с пирожными едим. – ответил. – У простых людей, еда простая и дешевая.

– Никогда не думала об этом. – ответила, отламывая кусок пирога. Еда была вкусная, может от того что последний раз ела сидя на санях, подмерзший кусок хлеба, а может быть действительно вкусная, просто не всегда означает, что это невкусно. Хотя если задуматься, Марфину серую кашу я наверное и очень голодная не решилась бы попробовать. Подвинув ближе сковороду к Силантию, проговорила – Если мы не научимся есть вместе это будет подзрительно, неужели бы не ел с внучкой?

– Ну, так не привык.

– Силантий это приказ. Ешь. – строго сказала Серафима.

Женщина поставила на стол две большие кружки и забрала монеты. – Благодарствую. Вам может с собой, что завернуть? Далече едете.

– Ты ж сказала ничего нет?

– Хлеб поставила, еще немного и готов будет, да пироги, правда вчерашние еще есть, ну и кувшин с молоком налью. Сделаю?

– В Петроград. – ответил Силантий.

– О, далеко... – сказала она и пошла в кухню.

– Еда, всегда пригодится, кто его знает, что там дальше. Сами не съедим, так нищим всегда можно будет отдать в Петрограде. – буркнул Силантий и придвинулся ближе к столу.

Напиток тоже был приятный, немного сладковатый и помог мне согреться окончательно. Женщина вынесла сверток завернутый в бумагу, и глиняный кувшин, поставив на стол рядом с нами.

– Спасибо. Скажи, пожалуйста, кто сейчас чаще всего заходят белые или красные? – спросил Силантий.

– Ты думаешь, спрашиваю? Кто пришел, тех и кормлю. Платят они одинаково и есть тоже хотят одинаково, а там какие кто разберет. – сказала и ушла в свой уголок.

– Ну что, щеки смотрю, порозовели, согрелась?

– Да, надо ехать. – ответила девушка.

Уже у выхода их остановила кухарка, – Вы если от красных скрываетесь, то лучше поезжайте вдоль реки так надежнее будет, а если от белых, то по тракту. – сказала и ушла.

– Спасибо. – крикнул вслед Силантий.

– И как поедem? – спросила Серафима.

– По тракту поедem, как и решили. Будем пытаться скрываться хуже будет. Да и кому мы особо нужны, девица и старик.

– Силантий, как ты думаешь, а Андрей Федорович потушил дом?

– Что это ты девонька про этого черта вспомнила? Потушил, али нет это теперь не наша забота. – ответил Силантий, – Поехали лучше потихоньку, пока целы, пока живы. – старик посадил Серафиму на сани, прикрыл тулупом и продолжили свой путь. Телега медленно катилась громохвая.

Несколько часов спустя, мы догнали небольшую группу людей, шедших своим ходом. Их лица были истощены, а одежда оборвана, казалось, шли совершенно не чувствуя холода. Один из попытался ухватить за край телеги, но Силантий сильнее хлестнул лошадь и та заржав, дернулась и поскакала галопом. Мужчина упал и несколько раз перекувыркнулся.

– Силантий, давай его возьмем. – крикнула Серафима, когда телега вновь покати-лась медленнее.

– Сейчас, много будет встречаться люда и мы всех брать не можем, тем более видела их сколько, а мы вдвоем. Даже не думай девонька, – сказал Силантий.

Ближе к вечеру приехали в Петроград, первым делом Силантий разместил нас в меблированных комнатах, недалеко от старого нашего особняка, бывшего нашего, хотя сейчас вероятность того, что там что-то осталась, была минимальна. Мы ехали по улицам Петрограда, и Серафима не узнавала знакомых улиц, повсюду висели красные знамена с лозунгами призывающими скинуть с себя буржуинов и подняться единой силой, но больше всего поражала грязь, разбитые окна витрин, закрытые повсюду лавки и толпы выкрикивающих, то тут, то там эти лозунги. Как можно было, за такой короткий срок, устроить такие погромы, думала девушка, кутаясь в тулупчик и то что видели по пути сюда, уже казалось мелкими недоразумениями по сравнению с тем, что царило в Петрограде.

Уже после ужина, что принесли в комнату Серафима уснула, бессонная ночь, холод и страх дали о себе знать, только среди ночи, где-то совсем рядом что-то взорвалось, в окнах задребезжали стекла, но не разбились, девушка встала и стала рассматривать улицу. Практически сразу, на соседней улице начал гореть дом, пробежали люди. Дом, пытались тушить, но он разгорался все сильнее и сильнее. Силантий вошедший в спальню, старательно убрал от окна.

– Барышня, как так можно, а ежели кто вас увидит, сейчас люд словно взбесился, увидят да и кинут еще чего в окно. Отойдите, отойдите, – причитал он, когда встала так, чтобы не было видно с улицы.

– Сколько времени? – спросила у старого слуги.

– Почти четыре утра, вот изверги, ни ночью ни днем от них покоя нет. – Продолжал причитать он.

– Ты что-нибудь узнал? Про отца, дом? – спросила игнорируя причитания.

– Да, что тут узнаешь, так вроде бы поспрашивал, но тишина, люда сейчас в городе постороннего много. Завтра поутру на адрес схожу и заодно про билеты узнаю, но говорили сегодня, что бегут все, билетов нет, но попробую.

– С тобой пойду.

– Куда вы барышня, а если кто признает, говорят сажают сейчас благородных. – возмутился Силантий.

– Если всех сажать тюрем не хватит.

– Нет, вы лучше тут посидите в безопасности, авось, что и выясню.

– Ну я не могу весь день взаперти сидеть. – возразила Серафима.

- Один раз можно и посидеть Серафима Андреевна, подумайте, что бы сказал папенька, узнав, что вы себя подвергаете такой опасности.
- Хорошо, останусь дома.

Глава 5

На утро от дома на углу остались только каменные опоры и печь посередине кучи черных головешек. Серафима наблюдала из окна, как люди с интересом рассматривали вчерашние пепелище и ждала Силантия, который ушел уже несколько часов назад и обещал быстро вернуться. От места где остановились до дома, было не более десяти минут ходьбы, плюс там минут тридцать, зайти к лавочникам напротив и попытаться что-то узнать. Час максимум, но Силантия не было, он не пришел, ни к обеду, ни к ужину. Хозяйка комнат принесла ей еды, но кушать совершенно не хотелось. Живот сводило от волнений, что только не передумала, за этот день, что тянулся вечность. В итоге проплакав весь вечер к полуночи уснула.

Наступило утро, а Силантий так и не вернулся. – Доброго утра. – сказала вошедшая хозяйка заноса на подносе чай.

– Доброе, – приветливо ответила ей Серафима, хотя чувствовала себя отвратительно и скорее всего также и выглядела, уснув вчера в платье.

– Что-то вашего дедушки не видно. – полюбопытствовала хозяйка.

– Вчера еще ушел узнать, насчет отъезда, да так и не вернулся. Даже не знаю, что думать. – ответила с сожалением Серафима.

– А куда он пошел?

– Тут недалеко в лавку, на площади. – ответила Серафима, не желая говорить постороннему ей человеку, куда на самом деле пошел Силантий.

– Ой, ой. Вчера у особняка Самсоновых, что-то опять взорвали, может твой дед случайно там очутился, мальцы с газетами все утро горло надрывали, что десять человек погибло и больше двадцати ранено. – рассказала хозяйка. – Ну ты не волнуйся, может быть в лечебнице. – договорила хозяйка поняв, что сболтнула лишнего.

– Будем надеяться. – проговорила Серафима, слез не было, видимо закончились еще вчера. Серафима собралась. Хозяйка продолжала наблюдать за ней.

– Поешь, куда собралась, сейчас силы нужны будут, время такое на улице упадешь от недостатка сил и все мимо пройдут. – сказала, хозяйка и усадила за стол.

Серафима села за стол и торопливо выпил чай и съела небольшую булочку. Хозяйка продолжала за ней наблюдать, может Силантий сказал присматривать за мной, а может она, ждет от меня денег. – Я вам что-то должна? – спросила девушка, промачивая губы салфеткой.

– Нет, дед заплатил за неделю вперед, за комнату и стол, если не появится сегодня можно переехать в комнату поменьше и так будет две недели крыши над головой в запасе. – сказала она.

– Хорошо спасибо. – ответила Серафима.

– У тебя кто-то еще есть, кроме деда к кому можешь обратиться? – спросила осторожно хозяйка, Серафиме показался этот вопрос по меньшей мере странным.

– Да, тетушка, но она пока не в Петрограде, но ей сегодня напишу.

– Напиши, ты одна не выживешь, такие, как ты не выживают. – добавила хозяйка.

– Такие, как я? – спросила Серафима, не понимая, что имеет в виду хозяйка.

– Да, по тебе с первого взгляда видно, что из благородных, дед из простых, да и вряд ли он тебе дед, верный слуга – да, но не дед. – хозяйка подошла ближе и взяла мою руку, развернула и ее ладонью кверху и проговорила. – Эти руки ни разу в жизни не видели работы, а лицо печали, тебя оберегали от всего, что могло расстроить любимую дочку, но произошла революция и теперь у тебя юная леди не чего нет. Поэтому мой тебе совет, за эти две недели постарайся найти себе применение, ну или место куда съехать, бесплатно держать не буду, а делать скорее всего ни чего не умеешь.

– Вы можете не волноваться, у меня есть чем заплатить первое время, а дальше я все решу. И спасибо за науку. – Серафима замялась. – Скажите пожалуйста, меня выдают только руки и лицо?

Хозяйка улыбнулась, но как то по злomu и подошла к окну. – Подойди. – Серафима встала, подошла. – Что ты видишь?

– Людей, – ответила Серафима.

– Каких людей ты видишь? Как эти люди идут? – и не дожидаясь ответа продолжила. – Вон посмотри, девица в черном платье, платье затаскано, а нижняя юбка вся в лохмотьях и сейчас она подзаборная девка, что отдается каждому за медяк, но посмотри, как она стоит, даже в текущем положении девица не прячет взгляд и держит спину. А теперь, посмотри вон туда, женщина в розовом платье, красиво одета, видно, что живет в достатке, но посмотри как скрючилась, словно это платье к полу прибывает своей тяжестью. От привычек сложно избавиться, и платье это просто одежда.

– Спасибо, – ответила Серафима.

– У меня на посылках есть мальчишка, смысленный и шустрый возьми с собой, только денег много не давай, а то пропадет опять. – сказала хозяйка и направилась к выходу, остановилась, развернулась. – И вот еще, старайся идти ближе к краю дороги, не спорь, не конфликтуй, не требуй, а то еще и в каталажку могут кинуть, как врага революции. Поняла?

– Хорошо, спасибо. – хозяйка вышла за дверь.

– Серафима, сейчас пойдешь и найдешь Силантия.

Мальчишку звали Василием, на вид было около десяти лет, смешные веснушки на лице и копна белокурых, непослушных волос выбивающихся из под клетчатой не по размеру большой кепки. Первым делом отправились в ближайшую к месту происшествия лечебницу. Идти нужно было, по улице где был расположен наш особняк, аккуратно по периметру забора, проходя мимо, на секунду замешкалась, пытаясь рассмотреть, что с ним стало. Красный флаг теперь развивался над главным входом, несколько больших деревьев было повалено и распилено, а статуя в парке, что так нравилась отцу, была одета в платье, что носили наши горничные.

– Что, разогнали всех графьев, – сказал Василий и Серафиме показалось даже с сожалением в голосе.

– А ты знал, тех кто тут жил?

– Ну как знал, кухарку знал, она подкармливала частенько, а я с рынка помогал носить, особенно после приемов, балов, когда еды море оставалось. Там пирожные и закуски разные. Фрукты заморские, как то давала такое трясется, как холодец, но сладкое. – сказал Вася задумчиво.

– Желе.

– Да, вот ты тоже пробовала?

– Да, мне тоже нравится. Вкусно. Особенно Варваре всегда удавалось.

– Да и там тоже кухарку Варварой звали. Вот же совпадение. – сказал Василий и потом внимательно посмотрев на Серафиму сказал. – Или это не совпадение, и мы говорим про одну и ту же Варвару? Подожди ка, ты там служила? Не может быть. Ты и есть графская дочка? – сказал Василий, практически воскликнув.

– Тихо. Не выдавай меня.

– Да, кому тебя выдам, а если так задуматься то на ваших харчах вырос, сколько себя помню у задней двери этого дома околачивался.

– А ты не знаешь, где сейчас Варвара?

– Знаю, тут недалеко столовую для рабочих открыли, она там кухаркой работает.

– Покажешь?

– Только давай сначала с твоим дедом разберемся.

Мы подошли к лечебнице, Василий, подошел к медсестре, что-то спросил и повел меня к другому входу, – Как фамилия у деда? – спросил, когда вошли.

– Фамилия? Я не знаю.

– Ладно, говори, что знаешь. – терпеливо спросил мальчишка, он был ниже меня ростом и казался маленьким, но жизненного опыта у него было больше, чем у меня в миллион раз.

– Зовут Силантий, работал дворецким, ему пятьдесят четыре года, рожден первого декабря.

– Вот когда рожден знаешь, а фамилию не знаешь. – удивился Василий.

– Папенька всех слуг лично поздравлял и делал подарки. Вот и запомнила, первый день зимы.

– Девица, – обратился Василий к проходящий мимо молоденькой девушке.

– Да.

– Подскажи, с вчерашнего взрыва люди где лежат?

– А кто вам нужен?

– Деда ищем, Силантий зовут, пятьдесят четыре года, крепкий, невысокого роста, седые волосы. Такие. – Василий показал на себе. – А и был вчера гладко выбрит.

– Вон в той палате лежит, только он плох совсем, а еще и рвется куда-то насилу уложили, после того как в себя пришел. Ну хоть теперь понятно куда рвется. – сказала девица и ушла.

Вошли в большую палату, где койки стояли плотно друг к другу. Так плотно, что даже пройти между ними было сложно. В одном помещении находилось больше двадцати человек.

– Какая барышня нас посетила, смотрите мужики, ты не меня красавица потеряла, – услышала Серафима сначала голос, а потом голос приблизился ближе.

– Иди отсюда заморыш, – сказал грозно Василий, словно из-под земли выросший между нами.

– Клоп, защитник. Смотрите. – проговорил другой и раздался дружный гогот.

– Смотри, где твой дед. – толкнув локтем проговорил Василий.

– Я его не вижу, – осмотревшись ответила Серафима.

– Мальцы, кого вы ищите, – раздался спокойный голос за спиной.

– Деда, – ответил Василий, зовут Силантий.

– Вон ваш дед, крикнул кто-то. – Серафима осмотрелась. – Девушка, дальний угол у окна. – Повернувшись, она увидела койку, но кто на ней лежит видно не было, Василий взял за руку и пробираясь через узкие проходы повел.

– Силантий, – сказала Серафима, подойдя к койке, старик повернулся, но кажется не видел ее, взгляд блуждал, потом Силантий резко сел.

– Серафима, я же вам сказал ни в коем случае не выходить из дома. – проговорил старик.

– Все хорошо Силантий, я не одна, с Василием. – мальчишка выглянул из-за спины.

– В обиду не дам. – сказал, Василий и вытер щеку тыльной стороной руки.

– Серафима, возвращайтесь в комнаты, там за все оплачено, и не выходите на улицу это опасно, меня через пару дней выпишут.

– Но... Сестричка сказала, что вы совсем плохи. – возразила Серафима, – Я буду приходить ухаживать и хозяйка сказала если в комнаты поменьше переехать, то на две недели хватит.

– Серафима, я живой, меня немного задело, видишь руки ноги целы. – сказал Силантий и в тот момент когда двигался неосознанно, скривился от боли.

– Вот, ляг, пожалуйста, – сказала Серафима укладывая старого дворецкого.

– Иди поближе, – девушка наклонилась, – На всякий случай, документы лежат в ящике, там же остаток денег и вот. Возьми в кармане, он указал на висевшую одежду, это письмо от тетки с адресом, забрать успел, за это можно сказать и пострадал. – тихо закончил он. – Серафима, напиши ей. Обязательно напиши. – Силантий сжал ее руку крепко. – А теперь иди и не смей сюда приходить. – приказал, старик Серафиме.

Слезы бесшумно текли по лицу, пока она выходила из палаты. Смешанные чувства бушевали внутри. Василий посадил ее на лавку и скрылся в длинном коридоре. Серафима, спрятала письмо во внутренний карман, решив, что это не место для чтения писем.

– Совсем плохо, дела? – услышала она вопрос, но не сразу поняла, что обращаются к ней. Посмотрела на мужчину, что сел рядом, перебинтованная голова и рука, что была закреплена на уровне груди. Пронзительные голубые глаза, смотрели на нее сейчас казались по меньшей мере нереальные. – Вы меня не узнаете?

Глава 6

– А должна? – ответила Серафима, отвернувшись от наглого, как показалось мужчины пыталась рассмотреть куда все таки подевался Василий.

– Замятин Павел Петрович, вы правда не помните, мы в детстве часто бывали у вас.

– Павел Петрович, вас же папенька сослал в Европу после того как вы чуть ли не взорвали дом? – сказала Серафима вслух свою догадку. – Ой.

Павел Петрович, рассмеялся. – Очень жаль Серафима Андреевна, что это единственное, что вы помните обо мне.

– Нет почему еще помню колючки в своих волосах и лягушку, что вы подбросили в комнату, со своим братом, его помнится звали Алексей Петрович?

– Да, но он погиб. – проговорил тихо, Павел Петрович.

– Но вы живы и сможете наслаждаться плодами своего труда, ну как совершили революцию? Я же помню, как вы рассуждали, про равенство. – сказала со злостью Серафима выплеснув всю, что скопилась за последние дни на Павла Петровича. – Нравится? Разруха эта, хаос. Нравится?

Под ее словами, казалось Павел Петрович, согнулся. – Мне очень жаль Серафима Андреевна, что так случилось, мы не этого хотели. Простите. – проговорил и встал. – Хотел предложить помощь, если чем-то смогу помочь, буду рад. Сейчас работаю при новом правительстве и за мной осталась наша старая квартира на набережной дом три, квартира семь. – он остановился и свободной рукой растер колено, словно раздумывал говорить дальше или нет. – Серафима Андреевна, извините если сможете, но Силантий вероятней всего не выживет. Вам нужно решить, как жить, понимаю, что для вас мое общество неприятно и не самый близкий вам человек, но хочу помочь.

– Как? – спросила Серафима, в одном точно был прав, у нее не было большого выбора кандидатов в помощники.

– Помочь с документами, выездом, если конечно есть куда и на что ехать. Крышу над головой и защиту. По крайней мере до тех пор, пока вы не определитесь, как жить дальше. – старательно выбирая слова проговорил Павел Петрович.

– Спасибо, подумаю. – сказала Серафима и несколько минут раздумывала, стоит ли спросить об отце, а с другой стороны, он сам предлагает помощь. – Павел Петрович, вы случайно не слышали, что произошло с папой?

– Нет, но могу попытаться узнать. Его когда забрали?

– Два дня назад из нашего имения.

– Хорошо, Серафима Андреевна, обещать ничего не могу, но постараюсь узнать все что возможно.

– Да буду благодарна. Мы в меблированных комнатах Артемьевой остановились. На случай, если вы что-то узнаете.

Из кабинета вышел серьезный Василий, более серьезный, чем мог быть юноша его возраста в знакомой Серафиме атмосфере, но этот мальчишка был беспризорником и только бог знает, через что прошел мальчишка к сегодняшнему дню.

Василий, подошел и смерил взглядом, Павла Петровича. – Ты его знаешь?

– Да, – ответила Серафима.

– Он тоже из ваших. – скривясь спросил Василий.

– Павел Петрович, скорее из ваших, – на выдохе сказала Серафима. – Ты же ходил к врачу, что сказал?

Василий запустил руку в копну своих волос, зачесал назад, и от того взгляд стал еще серьезнее. – Говори не томи, – сказала Серафима теряя терпение.

– Что сказать, в общем, что дед еще жив не более как чудом назвать нельзя, у него внутри, что-то порвалось от удара. И это, ну там куда-то кровь втекает и когда наберется много, ну понимаешь.

Слезы опять потекли по лицу девушки, – Сделать что-то можно?

– Не, врач сказал, что нельзя спасти.

– Пошли, не может быть такого. – вставая и вытирая слезы сказала Серафима.

– Серафима Андреевна, позвольте мне. – задержав, сказал Павел Петрович. Серафима вновь села на скамью рядом с Василием.

– Сестричка, – выкрикнул кто-то из палаты. – Сестричка, старичок представился. – слезы потекли по лицу Серафимы. Василий как мог, пытался ее успокоить.

– Серафима Андреевна, позвольте, организовать ваш переезд ко мне и помочь с похоронами? – спросил Павел Петрович.

– И ты говоришь, что он не ваш, вон как расписывает, что спрашиваешь, конечно надо старичка похоронить, а то кинут в общую могилу за казенный счет и не креста, ни таблички не будет. – отвел Василий, – А перевозить ей не чего, сама как есть, узелок, да кобыла старая с телегой, сам видел. Кобылу с телегой можно продать. Девчонку к нам возвращать нельзя, хозяйка с мамочкой знает, узнает что одна осталась моментально отправит. Как Ленку отправит, а там уже ее никто не отыщет.

– Ты что такое говоришь? – разозлилась Серафима, вытерев слезы.

– Не ругайся, на мальчика, он правду говорит. Как зовут?

– Василий.

– Вещей, нет как Василий и сказал? – спросил Павел Петрович у Серафимы.

– Да, только документы и небольшая сумка.

– Вот что Василий, сейчас проводи Серафиму Андреевну ко мне адрес скажу, ключ дам, а потом туда и вещи принеси, и пока не вернусь, побудь с ней. А дальше что-нибудь решим. Договорились?

– Ага, – сказал довольный Василий.

Из палаты вынесли носилки покрытые простыней, – Вы идите, Серафима Андреевна я все решу.

Василия не пришлось, долго уговаривать и мальчишка крепко сжав мою руку вытащил на улицу, слезы в очередной раз наполнили глаза. Мы шли молча, точнее Василий меня вел, а я послушно шла следом. Улицы были знакомы и в то же время, изменились. Изменилось все включая меня, только пока еще не понимала до конца, в какой мир попала. Словно птенца жизнь выкинула меня из гнезда, только летать в таких условиях, теперь предстоит учиться самой.

– Кажется тут. Ты была тут? – спросил Василий, оглядывая дом в котором давным-давно, мы детьми отмечали дни рождения сыновей Замятиных. Нас детей собирали за большим столом в гостиной, угощали вкусным тортом и пирожными, а потом носились сшибая все на своем пути. Играли, устраивали настоящий шабаш.

Совершенно странно, мне казалось тогда. Эти два дня в году нам разрешалось делать абсолютно все что хотелось.

Уже несколько позже, когда подросли, и поступили в гимназии. Мальчишки Замятины, как то быстро повзрослели. В их разговорах все чаще стали проскальзывать лозунги про свержение царя, равноправие. И в один из дней, был обед в честь именин Марии Федоровны, мужчины ушли пить кофий в кабинет. А нам в гостиную принесли чай. И слышала, так как дверь оставалась открытой Павел высказался особенно резко, папенька встал и молча вышел. Не прощаясь. Пошла следом, но единственное, что он мне сказал. – Собирайся быстрее, жду тебя в экипаже.

После этого дня, мы более не общались. Позже дошли слухи, что обоих братьев сослали, младший Алексей поехал учиться в Москву. Старший Павел уехал в Европу.

Мария Федоровна очень переживала, но супруг запретил ей писать письма сыновьям. Мы несколько раз встречались с ней, в гостиных общих знакомых, в ту пору начала выезжать после окончания гимназии. И в первую из наших встреч я ее даже не узнала, всегда улыбка-вая женщина с искоркой в глазах, словно погасла. Мария Федоровна окликнула меня, улыбнулась и только по этой улыбке, узнала. Немного, поговорили. Вспомнили. И Мария Федоровна, попрощавшись, удалилась.

Эта маленькая хрупкая женщина, жила своими мальчишками, но муж служил в полиции и не мог себе позволить. Жить в одном доме с теми с кем ему приходилось бороться ежедневно по службе. Ее жалели, сочувствовали, но за спиной осуждали, совсем скоро Мария Федоровна прекратила посещать светские мероприятия, несколько раз видела Петра Афанасьевича. Одного. А пол года назад Марии Федоровны не стало. Ходили проститься, но сыновьям не сообщили, а может не успели. Их не было.

– Серафима, что замерла этот дом нет? – громкий голос Василия, и настойчивые толчки в бок вывели меня из воспоминаний.

– Да. Этот. – коротко ответила.

– Что с тобой происходит ты прекращай так замирать. Мне аж страшно стало. Стоишь. Ревешь. И тебя неслышно. Как так плакат можно одними слезами? Ума не приложу. – говорил Василий пока, поднимался. Таща меня за руку вверх по ступеням.

– Куда идете? А? Оборванцы! У нас не ночлежка, пошли вон отсюда. – прокричала нам, толстая женщина в засаленном переднике и закрыла весь проход.

– Мы к Замятину. – рявкнул на нее Василий, который был в несколько раз меньше. Но не уступал по громкости голоса.

– Куда я попала? – очередной раз пролетела мысль в голове Серафимы, – Почему, люди так беспардонно лезут к другим людям, мы же ни коим образом не помешали ей и вроде даже не натоптали. – думала, пока Василий продолжал разговор с женщиной, что ни как не хотела освобождать проход.

– Нет Замятина. Пошли отсюда. Когда явится, тогда и вы приходите.

– Мы знаем, что его нет. В больничке хозяин. Не далее, как четверть часа назад, сам лично в ручки ключ мне вручил и велел барышню проводить. – сказал Василий и сделал еще одну попытку отодвинуть женщину с прохода.

– Фи, что это у нас за барышня? – сказала женщина и отодвинув рукой Василия посмотрела на меня.

– Я барышня. – еле слышно сказала. И собрав всю свою волю в кулак. Поднялась на несколько ступеней, отодвинула женщину. Как получилось! Не совсем аккуратно и прошла выше. Василий теперь шел за мной. В этот момент казалось, что единственным звуком, были наши шаги. Пройдя пролет, остановилась у знакомой двери.

Женщина внизу молчала, наблюдая за нами. Василий с интересом смотрел на меня. В глазах читался один немой вопрос. – Не думал, что ты так умеешь?

– Пришли, дай ключ. – сказала, Васе, прервав молчание.

Немного поковырялась в замке, дверь открылась и мы войдя внутрь, шумно хлопнули дверью.

– А я думал, ты реальная барышня? – первым делом сказал он.

– Реальная, но иногда, что бы барышне выжить нужно, как выяснилось уметь и что-то еще кроме умения вышивать крестиком и делать правильно реверанс.

– Чего правильно? – удивленно спросил Василий.

– Не бери в голову, так поклон называется. – сказала расстегивая полушубок.

– Покажи. Ну покажи, что сложно что ли? Я вон весь день с тобой хожу.

Серафима развернулась и не снимая полушубок сделала самый глубокий реверанс, на которой только была способна.

– Так, кланяются, только монаршим особам. – сказала выпрямившись.

– Ты прям реально мне как царю поклонилась? Seriously.

– Василий, ты сегодня меня защищал, как настоящий князь. И поклонилась тебе в знак безграничной благодарности.

Глава 7

Василий засмутился. – Барышня, а в знак благодарности, давай еще что-нибудь съестного тут поищем. Может, что и найдем, желудок от голода уже сводит.

Раздевшись, вошли в кухню, там все осталось ровно так же, как запомнила. Только стало совершенно пусто и серо, не пахло больше пирогами, что пекла их кухарка. Едой вообще не пахло.

Васька, по-хозяйски прошелся по ящикам, но там тоже было почти пусто. Только два кулька одиноко лежали в буфете, с кофе и сахаром.

– Наверное наш барин не ест дома. – заключил, Василий. – И вот как с ним жить?

– Честно говоря, я тоже готовить не умею. – тихо проговорила Серафима.

– Совсем? – озадаченно спросил Василий.

– Точнее сказать ничего. Понимаешь, у нас в доме была кухарка, и мне приносили все что хотелось, по первому требованию. – оправдываясь проговорила Серафима.

– Хорошо же вам графьям жилось. – сказал на выдохе Василий лицо оживилось, брови взмыли вверх и на лбу появилось несколько складочек. – Ладно с вами все понятно, но есть от этого мне меньше не стало. Пойду, тогда вещички твои заберу из комнат. Да, еды какой никакой возьму, в счет уплаты за комнату.

– А хозяйка тебе отдаст? – спросила Серафима, удивляясь житейской мудрости этого маленького человечка.

– Конечно, – протянул Василий, лучше скажи где и что нужно взять. – И напиши записку на всякий случай для хозяйки.

– Хорошо, пошли в кабинете наверное должно остаться все необходимое. – Серафима под диктовку написала записку, рассказала своему защитнику, где старик припрятал деньги и документы. И тот удалился, оставив девушку наедине со своими воспоминаниями.

В тот момент Серафима так доверяла Василию, что не могла даже и предположить, что мальчишка мог ее обмануть, только спустя два часа, когда по всей вероятности Василий должен был уже возвратиться, но его не было. Это беспокоило девушку, но она не знала, что в таких случаях нужно делать. Вчера так же точно не вернулся Силантий, а сегодня пропал и Вася. Девушка то и дело выглядывала в окно, что выходило на центральную улицу, но его так и не было видно. Вдалеке слышались ликование толпы, и топот сотни сапог, как на параде, что стройными рядами шли по мостовой в далеком прошлом. Серафима вспомнила, как светились на солнце их начищенные сапоги, почему-то только вид сапог и топот так врезались в память, что она и сейчас спустя столько времени продолжала их отчетливо слышать.

Павла Петровича тоже не было, почему-то Серафима, даже не спросила, когда его выпишут из больницы, даже не спросила что с ним приключилось. Только набросилась на него с обвинениями. Как же некрасиво... Сделала. Лицо ее вдруг вспыхнуло... Может зря сюда и пришла? Серафима стала мерными шагами ходить от одного угла комнаты в другую, словно этот ее марш мог придать силы.

Напольные часы, включились и отмерили коротким звоном пол часа. Василия уже не было три часа. Подумала Серафима и вновь выглянула в окно.

Вдалеке увидела знакомую фигуру в клетчатой кепке и копну белокурых волос, что так четко выделялась среди массы людей. Этот маленький гражданин вел под уздцы лошадь и наперевес лежало несколько мешков. Телеги не было.

Мальчишка скрылся в воротах, а Серафима отошла от окна, волнение захватило, Василий не бросил. Хотя мог забрать и деньги и лошадь, все продать и жить себе спокойно и наверное довольно долго один. Вероятность встретится в городе, где сотни тысяч людей практически минимальная. Рассуждала Серафима, дожидаясь Василия в прихожей. Дверь внизу хлопнула и

тяжелые шаги гулким эхом разносились по парадной. Серафима подбежала к двери и открыла. По лестнице поднимался Василий с тяжелым мешком наперевес. Девушка подбежала к нему и хотела помочь.

– Лучше посторожи пока за вторым схожу негоже овес без присмотра оставлять. Уведут. – сказал, мальчишка и торопливо спустился по ступеням, дверь хлопнула и через несколько мгновений Вася уже волок второй мешок еще больше чем первый. – Вот выторговал у одного лавочника за телегу. Представляешь, только выехал от хозяйки, а посередине дороги телега раскорячилась, колесо сломалось, а за ним и рессора вся искривилась. Этот бегаёт вокруг и только охает. Увидел меня и говорит. “Дай, телегу мне на время товар свести два пуда муки отсыплю.” А я ему говорю. “Два пуда то хорошо будет, но мне лошадку кормить надобны, вот если еще мешок овса и три пуда муки дашь, то забирай всю телегу, только без лошади. Тебе ж все равно возвращаться, а сейчас ты вряд ли свою починишь, все бастуют. А коль найдешь, кто починит, то и продать сможешь.” Он мне говорит, “Нет мне телега не нужна еще одна, только на время.” А я ему говорю. “Прости тогда барин, нет времен за два пуда муки с твоей ношей разъезжать и так, мол опаздываю, барышня волнуется.” Барин разозлился, шапку снял, возмущался, хотел меня за уши оттащить, но тут морячок, за руку барина схватил. Да как закричит. “Ты по что ребенка трогаешь, хочешь бери телегу, как он предлагает. Нет! Так отпусти. Привыкли, что все как вы захотите.” Ну барину, деваться было некуда. Дал мне мешок овса и три пуда муки. Хотел, моряку за подмогу отсыпать муки или овса на кашу, но он сказал, “У малых детей не отнимаю!” Помог мне распрячь лошадь, погрузил все. И вон до угла спроводил. – Василий рассказывал очень эмоционально в лицах, то и дело копируя речь то одного, то другого.

Совместно занесли один мешок, а за ним и второй. От усталости Василий, так и сел в прихожей на маленькую табуреточку. Вытерев пот со лба и покрасневшись.

– Так, этот с зерном пусть тут стоит, – сказал Василий строго. – А второй нужно разобрать, там три кулька с мукой, пирожки, хлеба ломоть и курица целая.

Серафима, что держала за угол мешок, растерянно посмотрела, на Василия. – Барышня, курица, готовая и наверное даже еще и теплая. – проговорил он смеясь и Серафима рассмеялась вместе с ним.

Дом Замятиных считался современным, тут была проведена вода, электричество и даже стояла ванна, только вот вода из крана была только холодная, как уже успела ощутить Серафима, но она текла и это уже было хорошо. Так что немало важно в квартире стояло несколько английских печей, а в кладовой где раньше хранились продукты, теперь была выложена поленища дров.

Девушка разобрала припасы, нашла тарелки, салфетки, приборы и они сели обедать. Вначале Серафима пыталась разрезать курицу, но та только и делала что, каталась по тарелки. Василий внимательно наблюдал за ней и улыбался. Серафима видя это, рассердилась и села. – Хорошо, юноша, а как бы вы с ней поступили? – спросила девушка строго, садясь на стул, протягивая Василию вилку с длинными зубцами и нож.

Василий вздохнул, встал, – Барышня единственный раз когда мне доставалась целая курица, я ел ее так. – мальчик, оторвал сначала одну ногу и положил ее на тарелку Серафимы, потом оторвал вторую, сел и не выпуская ноги из рук начал есть. – Вкусно, протянул мальчишка с набитым ртом, растягиваясь в улыбке.

Серафима, посмотрела на него, на курицу, отложила в сторону приборы, что до сих пор были в руке. Последовав примеру Василия, то же начала есть.

Мальчишка, весело улыбался наблюдая, за тем как Серафима, пытается не испачкаться и как не получается это сделать. В итоге после нескольких попыток Серафима, начинает есть так же как и Василий, торопливо жуя большие куски мяса.

В дверь настойчиво постучались. Куриная нога так и зависла в руке Серафимы, по пути в рот. На секунду девушка замерла и с Василием переглянулись, но не произнесли ни звука.

Серафима положила курицу и вытерев руки о салфетку хотела встать, но Василий придержал ее за руку. – Подожди барышня. – проговорил еле слышно.

Стук более настойчиво повторился, – Серафима Андреевна, это Павел Петрович, – услышали теперь и Серафима, встала, промокнув губы салфеткой, положив на стол, пошла открывать дверь хозяину квартиры.

– Здравствуйте, Серафима Андреевна, а грешным делом подумал, что передумали воспользоваться моим гостеприимством и собирался вас идти искать. – говорил Павел Петрович торопливо, войдя в прихожую, в руках у него был большой сверток из коричневой бумаги.

– Здравствуйте, – еле слышно проговорила Серафима смущаясь. – Мне некуда более идти. – так же тихо продолжила, опустив голову.

– Серафима Андреевна, вы можете быть у меня столько сколько вам нужно.

– И это хорошо, – сказал, вошедший Василий, продолжая покусывать косточку на которой совсем не осталось мяса.

– А вижу, вас маленький защитник не оставил голодной, – весело сказал Павел Петрович, протягивая Василию, сверток. – Только осторожно, сверху лежат яйца.

– Ух, ты у нас теперь и яйца есть и мука есть, надо найти масло и сделаем блинов. – весело проговорил Василий, быстрым шагом уходя на кухню.

Павел Петрович, с Серафимой переглянулись. – Где вы его нашли? – тихо спросил Павел Петрович, наклоняясь ближе.

– Мне его хозяйка комнат, где мы были в качестве сопровождающего дала, на время, но он решил, остаться. Честно говоря, мне с этим маленьким мужчиной как то спокойнее, и если вы не против. – сказала замешкавшись Серафима.

– Я не против, если он останется, – закончил за нее Павел Петрович, – К тому же, по службе сейчас, буду часто в разъездах и будет спокойнее, если вы будете не одна. – сказал Павел Петрович, и начал снимать военный сюртук, под которым была спрятана забинтованная рука.

– Что с вами случилось? – спросила Серафима, помогая снять сюртук.

– Ни чего страшного, врач меня выписал, но сказал, чтобы несколько дней еще подержал руку в покое. – сказал Павел Петрович, приглаживая свои черные волосы.

– Пойдемте уже наконец-то поедем, а то пока вы тут будете любезностями обмениваться у меня брюхо к позвоночнику прилипнет. – взмолился вошедший Василий.

– Идемте и правда. А то от этой больничной каши, что ел, что не ел, все равно желудок склеивается. – Павел, сполоснул руки и сел за стол.

Серафима, поставила перед ним тарелку, приборы и внимательно посмотрела на него. – Барин, вы тоже вилками курицу будете пытаться резать. – спросил Василий.

– Нет. Если можешь Василий, отломай мне часть грудки, а то у меня не получится. – сказал Павел показывая руку. – И еще бы не отказался от пирожков, они были в кульке.

– Спасибо, тебе Боже. – проговорил Василий, подняв глаза к потолку и приложив обе ладони к груди. – Что этот барин не совсем барин и тоже ест руками, а то барышня так и осталась бы сегодня голодной. Аминь. – закончил мальчишка, Павел еле сдерживал смех, а Серафима видимо тоже пытаясь скрыть смех, еще и густо покраснела. Василий, отломил добротный кусок курицы, положил на тарелку перед Павлом. Встал, доставая из буфета пирожки. – А с чем они, – принимаясь спросил Василий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.